

Научная статья

УДК 882-054.72 (092) Ремизов
DOI 10.17223/18137083/83/12

**Прасковья Семеновна Воробьева-Владимирова –
екатеринодарский корреспондент и критик А. М. Ремизова**

Екатерина Евгеньевна Вахненко

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

katy250579@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2728-7465>

Аннотация

Рассматривается оценка журналиста и критика П. С. Воробьевой-Владимировой творчества А. Ремизова 1910-х гг. Выявлены и проанализированы аналитические статьи о творчестве писателя, опубликованные на страницах екатеринодарской газеты «Кубанский курьер». Рассмотрена специфика восприятия художественного наследия Ремизова в контексте редакционной политики издания на основе кратких сообщений и заметок, обзорных статей, посвященных новейшим произведениям отечественной словесности. Также описаны подходы и интересы корреспондентов этого печатного проекта в освещении особенностей современного литературного процесса, представлена сфера профессиональных интересов П. С. Владимировой как ведущего сотрудника, обозревателя журнального мира центральной России, критика. На основе корпуса писем, до настоящего времени не введенных в научный оборот, раскрывается специфика личных и творческих контактов Владимировой и Ремизова в их начальный период.

Ключевые слова

критика, периодическая печать, А. М. Ремизов, П. С. Воробьева-Владимирова, «Кубанский курьер»

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00007, <https://rscf.ru/project/20-18-00007/>, ИРЛИ РАН

Для цитирования

Вахненко Е. Е. Прасковья Семеновна Воробьева-Владимирова – екатеринодарский корреспондент и критик А. М. Ремизова // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 152–165. DOI 10.17223/18137083/83/12

© Вахненко Е. Е., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 152–165
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 152–165

Praskovya Semenovna Vorobieva-Vladimirova – Ekaterinodar journalist and critic of A. M. Remizov

Ekaterina E. Vakhnenko

Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

katy250579@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2728-7465>

Abstract

The paper explores the assessment of Alexey Remizov's works of the 1910s by a journalist and critic, Praskovya Semenovna Vorobieva-Vladimirova. Some analytical articles about the writer's work published on the pages of the Ekaterinodar newspaper "The Kuban Courier" have been identified and analyzed. The specifics of the perception of Remizov's artistic heritage in the context of the editorial policy of this newspaper is considered in brief reports, notes, and review articles devoted to the latest works of Russian literature. The paper also describes the approaches and interests of the correspondents of "The Kuban Courier" in covering the features of the modern literary process. Attention is also paid to the professional interests of Vorobieva-Vladimirova as a leading collaborator, observer, and critic of Central Russia magazines. The analysis of a collection of letters for the first time introduced into scholarly circulation revealed the specifics of early personal and creative contacts between Vorobieva-Vladimirova and Remizov. A significant part of the letters reveals the interest in the literary personality and legacy of Remizov. Also, they unveil the attempts of a provincial correspondent already recognized in professional circles and known among readers in southern Russia to enter the St. Petersburg world of the daily press and establish creative contacts with writers. Such cooperation between a writer and a critic based on meaningful epistolary dialogue is a rare example in the history of literary relations.

Keywords

criticism, periodicals, A. M. Remizov, P. S. Vorobieva-Vladimirova, "Kuban Courier"

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 20-18-00007, <https://rscf.ru/project/20-18-00007/>, IRLI RAN

For citation

Vakhnenko E. E. Praskovya Semenovna Vorobieva-Vladimirova – Ekaterinodar journalist and critic of A. M. Remizov. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 152–165. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/12

Прасковья Семеновна Воробьева (в замужестве Владимирова), по профессии учитель, свою литературно-критическую деятельность начала в 1901 г. в Тифлисской газете «Новое обозрение», с 1906 г. сотрудничала с екатеринодарскими периодическими изданиями: «Кубань», «Новая заря», «Кубанский курьер», в которых неизменно вела литературные рубрики и являлась одним из самых известных и почитаемых журналистов и литературных критиков в газетном мире юга России (десятилетний юбилей ее профессиональной деятельности отмечался 24 апреля 1911 г. редакцией «Кубанского курьера» и был воспринят как «праздник газеты», поздравления прислали редакторы и корреспонденты многих региональных изданий). Также она печаталась в литературно-публицистическом отделе ежемесячного журнала «На Кавказе». Сотрудники изданий и коллеги отмечали психологическое чутье, точность в передаче мыслей, «глубокие и трезвые аналитические статьи». Помимо официальных поздравлений в газете «Кубанский курьер» были размещены стихотворные посвящения юбиляру (Ив. Муратова (Р. Северова)

«Цветы», присяжного поверенного Н. М. Рындина «Сирень цветет...»¹). Кроме непосредственно литературной работы Владимирова занималась общественной деятельностью: она является организатором Майкопской публичной библиотеки².

С газетой «Кубанский курьер» она связывала свой профессиональный рост и журналистский путь, сотрудничала со дня ее основания (первый номер вышел 10 сентября 1908 г.). Выступая с аналитическими статьями о классической русской и зарубежной литературе, о поэтах и беллетристах современности³, П. С. Владимирова обращалась и к обзорным статьям, объясняющим читателю суть и значение художественной литературы в формировании общественной мысли, писала о новых веяниях в отечественной словесности, о «подлинной» и «мнимой» художественности и особенностях литературно-критической мысли современных публицистов⁴. Пристальное внимание критика было сосредоточено на личности и творчестве популярных прозаиков и драматургов современности: Л. Андреева и Ф. Сологубе, которым посвящался основной корпус ее статей; также внимание читателя юга России было обращено к наследию И. Рукавишникова, И. Бунина, В. Винниченко.

Литературная политика газеты «Кубанский курьер» была ориентирована преимущественно на столичную интеллектуальную жизнь: кроме корреспонденций Владимировой на страницах издания в рубриках «Литературные заметки», «Библиография» публиковались рецензии и отзывы местных корреспондентов на произведения петербургских авторов: Л. Андреева, М. Арцыбашева, А. Куприна, А. Блока, Л. Зиновьевой-Аннибал, М. Кузмина, В. Каменского, Ф. Сологуба, К. Чуковского, Е. Чирикова, Б. Зайцева, А. Н. Толстого, В. Муйжеля и др.⁵ Литературные интересы журналистов и критиков «Кубанского курьера» регулярно подкреплялись московскими и петербургскими публикациями – страницы екатеринодарской газеты наполнялись перепечатками заметок и статей из авторитетных повременных изданий: «Биржевые ведомости», «Огонек», «Речь», «Новая Русь», «Раннее утро», «Голос Москвы»; из «Руля» и «Сатирикона» размещались юмористические рассказы А. Аверченко. С газетой сотрудничали петербуржцы:

¹ См. номера за 1911 г.: № 765, 23 апр. С. 3–4; № 768, 27 апр. С. 3–4.

² Информация взята из юбилейного слова (см. выше).

³ За весь период сотрудничества с изданием Владимирова опубликовала более сорока работ.

⁴ См. статьи 1908 г.: «О значении русской художественной литературы», «Зуд писательства»; «Не боги горшки обжигают» (1909); «Погребение русской литературы» (1910), «1912 год» (1913).

⁵ См., например, публикации: Новый рассказ Леонида Андреева (1908. № 17, 28 сент.); 1909 г.: *И. М. О-въ*. «Проясняющиеся горизонты» <Кузмин, Сологуб, Зиновьева-Аннибал, Блок> (№ 266, 6 авг.; № 267, 8 авг.; № 268, 9 авг.), *И. Б-ко*. «Навь чары». (Вторая часть) (№ 106, 21 янв.); *Розанов Н.* Литературные заметки <Горький, Амфитеатров, Чириков> (№ 454, 31 марта); *А. Т. В.* Муйжель (№ 517, 18 июня); *А. Т.* Корней Чуковский (№ 519, 20 июня); *Рокотов С.* Сумерки духа <о романе Арцыбашева «У последней черты»> (№ 610, 10 окт.); *Муриш Л.* «Анфиса» Леонида Андреева (№ 438, 11 марта) и «Мелкий бес» Ф. Сологуба (№ 458, 4 апр.); *А. Т. Ф.* Сологуб. Собрание сочинений Т. IV изд. «Шиповник» (№ 524, 26 июня) и «Сологуб. Собрание сочинений Т. VIII изд. «Шиповник»» (№ 527, 1 июля); 1913: Новый роман А. И. Куприна <б. п.> (№ 1274, 23 янв.); *Надеждин Л.* «Заложники жизни» (№ 1268, 16 янв.), «Литературные заметки. («Профессор Сторицын» – пьеса Леонида Андреева <...>» (№ 1278, 27 янв.).

Тэффи, А. Вергежский (наст. имя А. В. Тыркова-Вильямс), Н. Архипов (наст. имя Н. А. Бенштейн)⁶.

С 1909 г. на страницах газеты стали появляться статьи, посвященные периодическим и непериодическим изданиям, выходящим в центральной России. В публикациях П. С. Владимировой отразились не только взгляд автора на содержание журналов, сборников и альманахов, но и позиция редакции газеты, ориентированной на новейшие тенденции в современной литературе. Выразив надежду на возрождение толстых журналов в России, она сосредоточила внимание на отделах критики и беллетристики старейших и авторитетных изданий («Русское богатство», «Русская мысль», «Вестник Европы», «Современный мир», «Современник»), констатируя факт отсутствия высокой художественной мысли среди избыточного количества журналов, «занимающихся подлогом и выдающих пародию на литературу за подлинную литературу» [П. С. (Владимирова), 1911а, с. 2]. Жесткой иронической критике подвергся первый номер журнала «Современник» под редакцией В. Ф. Боцяновского за строгость проводимой политики (выступления редакции против модернистов и мистического элемента в литературе) и несовпадение содержания с читательскими интересами⁷. Эта тема неоднократно поднималась Владимировой в статьях о писателях-реалистах, отрицающих эстетику модернизма и влияние символистов на формирование литературной парадигмы, самоценность искусства для автора⁸.

Творчеству Ремизова журналисты и критики газеты уделяли сдержанное внимание, руководствуясь выбранным программным курсом на освещение творческих импульсов модернистов. В начале апреля 1908 г. в петербургском издательстве «Еос» вышел роман «Часы», на который в «Кубанском курьере» последовал отклик корреспондента, ведущего библиографический отдел: произведение уже заявившего о себе в литературном мире писателя⁹, признанного «мастером слова и властителем стиля», было определено как «черновые наброски, подготовка к большому, которое, быть может, он <Ремизов> подарит нам» [Этурнель, 1908].

Оценки сотрудников газеты произведений Ремизова не отличались единством и глубиной. С 1908 по 1911 г. включительно в екатеринодарском издании о творчестве писателя не было напечатано ни одной аналитической статьи, развернутой рецензии или содержательного отзыва, которые позволили бы читателю понять специфику его художественного мира. Спорадические заметки не только не давали целостного представления о сути мастерства писателя, но и определенным образом дискредитировали его в глазах читателя. Так, в 1909 г. в номере от 7 ноября (№ 339, с. 2) появилась миниатюра, перепечатка из «Голоса Москвы», посвящен-

⁶ См.: рассказы Тэффи в номерах 1908 г.: № 39, 26 окт.; № 50, 8 нояб.; 1909 г.: № 239, 5 июля; очерки А. Вергежского «Петербургские письма» (1909. № 347, 17 нояб.; 1910. № 402, 26 янв.); рассказы Н. Архипова в июньских номерах 1909 г. (№ 217–219, 224).

⁷ См.: П. С. (Владимирова). Новый журнал «Современник» // Кубанский курьер. 1911. № 751, 3 апр. С. 4.

⁸ См. статьи 1911 г.: «Литературные заметки (В. Винниченко. “Честность с собой”. Пятый сбор. “Земля”», «Литературные заметки. (Иван Рукавишников и его роман “Проклятый род”»)» (№ 920, 4 нояб. С. 3).

⁹ К этому времени Ремизов был известен в читательской среде произведениями крупной жанровой формы: романом «Пруд» (1905), книгами легенд и апокрифов «Лимонарь сиречь: Луг духовный» (1907), сказок «Посолонь» (1907), рассказов и поэм «Чортов лог и Полунощное солнце» (январь 1908).

ная сну «Клей-синдетикон» из цикла «Бедовая доля», опубликованному в «Русской мысли». Автор этого «шедевра», В. И. Голиков, подписавшийся псевдонимом *Wega*, в своеобразной иронической манере представил отношения Ремизова с редакцией журнала, признавшей свою непрогрессивность и некомпетентность перед писателем-модернистом, экспериментирующим со словом и смыслом¹⁰. В январском выпуске 1911 г. ведущий критик газеты Л. Надеждин продолжил тему абсурда в творчестве Ремизова, проанализировав сказку «К Морю-Океану: Волк-Самоглот», которая вышла в февральском номере «Всеобщего журнала науки, искусства и литературы». Произведение автора было названо лишенным смысла, «сплошной болтовней». Подробно пересказав сказку с целью обнаружить в ней логику и смысл, автор в заключение с негодованием восклицает: «Что же это такое, наконец? Если это сказка для детей, то зачем она так написана, что и черту не понравится, и зачем она напечатана в журнале для взрослых? Если это предназначено для взрослых, то за кого же, наконец, принимает г. Ремизов своих читателей? Какого он о них мнения? И что думал “Всеобщий журнал”, печатая эту белиберду? Интересно знать!» [Надеждин, 1911, с. 3]¹¹.

Также и мнение П. С. Владимировой о произведениях Ремизова формировалось в русле общих представлений о его творчестве, в контексте редакционной программы «Кубанского курьера». Впервые о писателе она упоминала в аналитической статье 1909 г., посвященной содержанию октябрьских номеров журналов «Русское богатство» и «Русская мысль». Рассказ Ремизова был приведен в качестве примера неинтересного художественного контента, наполняющего страницы ведущих изданий: «В “Русской мысли” беллетристика производит еще более безотрадное впечатление. Нет ни одной вещи, на которой можно было остановить внимание. Есть переводные романы, – нынче ведь мода на переводы, есть и оригинальное, но все это – увы! мало представляет интереса. Например, “Таинственный зайчик” А. Ремизова – прямо-таки детский лепет» [П. С. (Владимирова), 1909].

Однако в 1911 г. взгляд Владимировой на творчество Ремизова стал более позитивным, что было связано с изменением редакционной программы «Русской мысли», в частности с отбором авторов и произведений для публикации: с осени 1910 г. литературно-критическим отделом журнала стал заведовать В. Брюсов, значительно реформировавший его¹². Критик «Кубанского курьера» утверждала, что журнал под началом Брюсова стал почти образцовым. Владимирова также отметила изменение художественного контента, назвав имена авторов, увлекающих читателя, и произведения, действительно интересные современникам: рассказ М. Пришвина «Птичье кладбище», повесть Б. Савинкова «Двуглавый орел», стихи Брюсова, Сологуба, Блока, Гумилева. В этот же ряд был поставлен и Ремизов: «Хорош рассказ А. Ремизова “Чертыханец”. Жуть охватывает вас при чтении

¹⁰ См.: *Wega* <Голиков В. М.>. Рассказы <...> 3) Алексей Ремизов и «Русская Мысль» // Голос Москвы. 1909. № 247, 28 окт. С. 2.

¹¹ Также см. поверхностный неинформативный отзыв о рассказе <sic!> «Неуемный бубен»: А. Т. Альманах для всех кн. 1 изд. «Нового журнала для всех» 1910 г. // Кубанский курьер. 1910. № 496, 22 мая. С. 3.

¹² Подробнее см.: *Никитина М. А.* «Русская мысль» // Русская литература и журналистика начала XX века, 1905–1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 38–46; вступительную статью А. Н. Михайловой к публикации: В. Я. Брюсов. Письма к П. Б. Струве // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1960. Т. 5. С. 257–345.

краткой повести о жизни одного помещика, поминающего за каждым словом черта. Нет ему жизни, нет ему радости и утешения: черт не сходит с языка “Чертыханца”. Даже жена бежит от него, – так гадок и страшен он. Стиль рассказа напоминает Достоевского, но без его страсти и истерики, без того огня боли за человека, обреченного на такую жизнь» [П. С. (Владимирова), 1911б, с. 3].

С начала 1912 г. Владимирова заинтересовалась художественным миром писателя и, вероятно, с помощью И. С. Соколова-Микитова¹³ положила начало творческой переписке. Профессиональные контакты с Ремизовым установились буквально с первого письма, на которое он откликнулся и отправил тома Собрания сочинений, вышедшие к этому времени в издательстве «Шиповник»:

Извините, не знаю Вашего имени и отчества. Посылаю Вам III, IV и V т. I и II-ого сейчас у меня нет, я их Вам пришлю. Напишите мне Ваш Екатеринбургский адрес. Пришлю Вам VI и VII, – выйдут к марту. С уважением. А. Ремизов (РО ИРЛИ РАН. Р. III. Оп. 2. № 321–333. Л. 1)¹⁴.

Выпуск восьмитомного Собрания сочинений стал не только промежуточным итогом для писателя, но и событием в профессиональной и читательской среде, вызвал пристальное внимание публицистов и критиков¹⁵.

Из всех произведений, вошедших в Собрание сочинений, которое писатель в конце февраля, сразу после выхода VI и VII томов, отправил Владимировой, творческий интерес корреспондентки вызвала повесть «Крестовые сестры», увидевшая свет повторно в составе пятого тома в ноябре 1911 г. Впервые она была опубликована в сентябре 1910 г. в Литературно-художественном альманахе издательства «Шиповник» и, судя по многочисленным неравнодушным откликам¹⁶, произвела фурор в литературном мире. Л. Шестов восторженно писал Ремизову:

Но прежде поздравлю тебя с успехом твоих «Крестовых Сестер». Видел я в «Речи» и в «Р<усских> В<едомост>ях» – страсть хвалят. Верно и другие газеты не отстают (Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым, 1992, с. 92).

В обращении к Ремизову от 2 марта Владимировой, сообщив о намерении приступить к написанию статьи, просит разъяснить смысл названия повести, ранее привлекавшей ее внимание:

Не можете ли мне объяснить, почему Ваша повесть «Крестовые сестры» названа так? Не потому ли, что большинство женщин в ней несли по истине <sic> крестовые страдания? Повесть эта мне очень понравилась и тогда, когда она была напечатана впервые и при вторичном чтении теперь (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 78. Л. 1).

¹³ О знакомстве с литературным учеником Ремизова Соколовым-Микитовым и его попытках содействия Владимировой неоднократно упоминает в письмах.

¹⁴ Начальное обращение Владимировой отсутствует в корпусе сохранившейся переписки, но его содержание определяется по ответному письму, в котором Ремизов в своей фамилии ставит ударение на первый слог, вероятно, исправляя написание адресанта.

¹⁵ См. отклики и рецензии, зафиксированные в Библиографии писателя (сост.: Е. Е. Вахненко, Е. Р. Обатнина) в структуре электронного научного проекта «Наследие А. М. Ремизова в литературном процессе XX–XXI вв.». URL: <http://pushkinskiydom.ru/remizov/Bibliografiy/index.html>

¹⁶ См.: Там же (Ч. II, 1910, 1911).

В ответном письме от 10 марта Ремизов раскрывает смысл заглавия повести, акцентирует внимание на концепте судьбы, на специфике отношений героев с действительностью:

Обыкновенное значение названия Крестовых Вы знаете: те, у кого одна мать крестная или один отец крестный. / Мое заглавие понимать можно так: / I) одна судьба наделила (крестила) крестной долей описываемых мною лиц и души их – сестры крестовые / II. Относительно героя повести Маракулина все другие описываемые лица, одной судьбой с ним крещенные <sic!>, сестры крестовые (РО ИРЛИ РАН. Р. III. Оп. 2. № 321–333. Л. 3).

Авторское толкование отвечало и пониманию названия отдельными представителями интеллектуальной общественности, в частности трактовке Иванова-Разумника, который, прочитав повесть до публикации, высказал свои соображения Ремизову и вскоре отразил их в статье¹⁷:

<...> заглавие – «Кр<естовые> с<естры>» – хорошее и говорящее <...> И ведь дело не в одной Вере – Верочке – Верушке и в их крестовых сестрах, а во всякой изнасилованной душе человеческой – а в таком случае заглавие «Крест<овые> сестр<ы>» является требующим пояснения, <т.> е. что и Маракулин и др. – тоже «крестовые сестры» (Письма Р. В. Иванова-Разумника..., 1998, с. 39).

Подобный подход критика, выступившего в роли корреспондента писателя, является редким примером в истории литературных отношений и в данном случае свидетельствует о глубоком интересе Владимировой не только к наследию, но и к самому автору как литературной личности. Следует отметить, что подобный эпистолярный диалог Владимирова пыталась установить, судя по содержанию писем Ремизову, и с Ф. К. Сологубом, посвятив его творчеству несколько отдельных статей, опубликованных на страницах «Кубанского курьера»¹⁸.

Для Владимировой повесть «Крестовые сестры» стала своеобразным ключом к пониманию творчества Ремизова, с которым с начала 1912 г. установилась интенсивная переписка, со временем переросшая в теплые доверительные отношения¹⁹. Основным мотивом для сближения с писателем становится желание критика представить взгляд стороннего публициста, далекого от столичной литературной жизни, на творчество Ремизова, охватив его целиком, выделив ключевые моменты и тенденции.

¹⁷ См.: «Бурков двор» (Русские ведомости. 1910. № 213, 17 сент. С. 2–3). Также см. работу К. Чуковского «Для чего мы живем. («Крестовые сестры», повесть А. Ремизова <...>» (Речь. 1910. № 264, 26 сент. С. 2–3), с которой Иванов-Разумник был категорически не согласен и выступил с ответной статьей «Между “Святой Русью” и обезьяной: Творчество Алексея Ремизова» (Речь. 1910. № 279, 11 окт. С. 2–3).

¹⁸ См. письма от 2 марта, 17 ноября, 20 декабря 1912 г.; публикации: «“Творимое” Сологуба» (1909. № 286, 2 сент. С. 3; № 287, 3 сент. С. 3), «“Победа смерти” и другие пьесы Федора Сологуба» (1912. № 1024, 14 марта. С. 3), «Литературные заметки (“Заложники жизни”). Пьеса Ф. Сологуба. 18-я кн. альманахов “Шиповника”» (1912. № 1241, 11 дек. С. 3); «1912 год» (1913. № 1256, 1 янв. С. 4); «Литературные заметки (Собрание сочинений Федора Сологуба. 12 т.)» (1913. № 1323, 23 марта. С. 3).

¹⁹ Так, из текста письма от 18 мая понятно, что Ремизов обратился с личной просьбой к Владимировой, пообещавшей ее исполнить (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 78. Л. 2).

В течение полугода продолжалась работа над объемной статьей, посвященной художественному миру писателя, и 17 сентября Владимирова извещает Ремизова о завершении работы и попытке пристроить рукопись в журнал «Новая жизнь» при содействии И. С. Соколова-Микитова, имевшего дружеские связи с его сотрудниками. Желание критика поместить свою работу о Ремизове в петербургском журнале выглядит неоднозначно: в 1911 г. она категорически выступила против выпуска изданий, подобных «Новой жизни», «Всеобщему журналу», «Синему журналу», назвав их «литературной трухой» [П. С. (Владимирова), 1911а, с. 3]. Вероятно, изменение отношения к изданию объясняется надеждой на благосклонный отклик Н. А. Архипова (наст. имя М. Л. Бенштейн), уроженца Екатеринодара, который в 1909 г. кратковременно сотрудничал с «Кубанским курьером»²⁰, в 1910–1911 гг. был редактором-издателем «Новой жизни», а в 1912 г. – ее авторитетным сотрудником.

Обращение Владимировой в столичный печатный орган было вызвано непростыми отношениями, сложившимися с новой редакционной коллегией екатеринодарской газеты²¹ и желанием прекратить с ней деловые контакты, о чем она откровенно пишет Ремизову:

Предложение Ив<ана> Серг<еевича> мне было приятно во многих отношениях, а главное оно освобождало меня от той газеты, в которой я работала, ставшей в последнее время по некоторым причинам неподходящей для людей, смотрящих серьезно на печать. Много в ней, т. е. в газете, было грязи и подлости, травли и инсинуаций в отношении бывшего редактора той газеты. Вся эта история – личная, злая месть. / Противно. И если мне придется появиться на страницах этой газеты, то это будет сенсация. Но что делать? Не печататься не могу, а печататься больше негде <...> (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 78. Л. 4–5).

В этом же послании Владимирова сообщает о непростых отношениях, сложившихся с конторой газеты (с середины марта она не публиковалась на ее страницах). Владимирова просит писателя узнать в редакции журнала о судьбе статьи. Ремизов с 1908 г. находился в переписке с Н. А. Архиповым, редактором-издателем «Нового журнала для всех» (в 1909 и 1910 гг. публиковался в нем), с 1911 г. состоял в числе сотрудников «Новой жизни», поддерживал творческие контакты с Бенштейном²². Поставленный в неловкое положение обращением своей корреспондентки, он вынужден был ответить корректным отказом, сославшись на при-

²⁰ См. примечание 6 наст. статьи.

²¹ С июня 1912 г. редактором-издателем «Кубанского курьера» стал Л. С. Надеждин (Ямпольский), ранее сотрудничавший с газетой как литературный критик и журнальный обозреватель, сменив на этом посту М. А. Асланова. Редакционный курс стал более демократичным, изменился и состав журналистов. Отношения Владимировой с редакцией газеты уже в 1909–1910 гг. были неровными: с декабря 1909 г. по третью декаду ноября 1910 г. на страницах екатеринодарского издания не появилось ни одной ее работы; в это время критик сотрудничала с журналом «На Кавказе», в котором она опубликовала три статьи, посвященные творчеству Л. Андреева, традиционному обозрению журналов и сборников, памяти А. П. Чехова.

²² См. указания на списки сотрудников журнала в 1911–1912 гг., а также обращение редакционной коллегии к Ремизову с просьбой подписать резолюцию (ввиду отсутствия на собрании) о прецедентном споре А. И. Куприна с Н. А. Бенштейном и о судьбе издания (ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 48. Л. 12 – 12 об.).

страстное отношение к себе Н. Я. Абрамовича, автора двух неодобрительных отзывов о его творчестве ²³:

Многоуважаемая Прасковья Семеновна! / Как мне в Нов<ую> Жизнь пойти, неловко это. Если бы статья не обо мне, дело другое. / Ко мне относятся там, в этой «Нов<ой> Ж<изни>» даже очень плохо: критик такой там есть Н. Кадмин (Н. Абрамович) не выносит имени моего. Не сердитесь на меня, я рад бы сделать, да нельзя, неловко и попусту (РО ИРЛИ РАН. Р. III. Оп. 2. № 321–333. Л. 7).

Следует отметить, что в это время Ремизов надеялся увидеть на страницах «Новой жизни» свои сказки из цикла «Докука и балагурье», которые вышли в последнем номере журнала за 1912 г.

Судьба статьи вскоре разрешилась отказом редакции «Новой жизни» ее опубликовать. Послания писателю от 9 и 17 ноября содержат эмоциональные разъяснения Владимировой, раскрывающие причины этого события, сообщенные И. С. Соколовым-Микитовым:

В «Нов<ой> жиз<ни>» ее нашли и длинной и сухой и потому не напечатали. Предложили сократить. И потом странно: высказали, что я как сотрудник желательна. Бог с ними. Слишком с большой меркой они подошли ко мне. Себя они меряют значительно меньшей меркой (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 78. Л. 6);

Статья, оказывается, «суха, скучно-логична, без блесков неожиданных мыслей и написана провинциально». Я ответила, что как кому. Измайлов, какой-нибудь Боцяновский, Львов-Рогачевский, они далеко не блещут и, однако, их печатают. Меня, вероятно, сравнивали не с ними, а с Михайловским, Писаревым, Белинским. Мне большая честь. Думаю, что их смутило, что я из провинции. Это своего рода жупел, которого все еще боятся жители столиц. Ну, и бог с ними (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 78. Л. 7).

В октябре Владимирова вернулась в екатеринодарскую газету и разместила на ее страницах аналитическую статью, в которой попыталась разъяснить современникам специфику художественного мира Ремизова. Несомненно, Владимировой были известны многочисленные отклики рецензентов и критиков, содержащие противоречивые, часто негативные оценки творческого метода писателя ²⁴, поэтому своей основной задачей она определила возможность раскрыть как профессиональному, так и массовому читателю причину этого неприятия и непонимания через два ключевых аспекта – своеобразие языка и стиля автора и его подход к изображению героев.

Заклучив, что в самобытном языке, за который Ремизов «имеет право называться национальным, народным писателем», «отражается целое народное миро-созерцание» [П. С. (Владимирова), 1912а, № 1193], Владимирова раскрыла и суть

²³ О творчестве Ремизова Н. Я. Абрамович писал в других изданиях в частности под псевдонимом Н. Арский, см.: «Стихийность молодой поэзии (К. Бальмонт, В. Брюсов, Ф. Сологуб, Вяч. Иванов, А. Блок, С. Городецкий, А. Ремизов, Л. Семенов, А. Белый, И. Бунин и др.)» (Образование. 1907. № 11. С. 1–29), в 1909 г. эта работа была включена в «Литературно-критические очерки» (СПб., 1909, с. 169–204), «О венках и славах» (Руль. 1910. № 268, 2 янв. С. 2).

²⁴ См. примечание 16 наст. статьи.

героев его произведений, которые совершенно не похожи на литературные типы, они индивидуальны в своих отношениях с действительностью, но едины в ее переживании: «Их не смешашь. Все они говорят своим языком. Все они живут своим особым миром, у всех у них своя особая психология. Каждый из них по своему воспринимает мир и реагирует на него. И в то же время у всех у них глаза потерянные – бродячей Святой Руси, все они болеют одной тоской» [П. С. (Владими́рова), 1912а, № 1193]. Особое внимание критик уделила женским персонажам, сравнив их с врубелевскими образами: «Они полны мистики, полны предчувствия какой-то страшной беды. Ни тянут к себе, и оторвать взор от них невозможно» [Там же]. Рассуждая о маленьких людях в творчестве писателя, несущих крест страдания, незаметных в своей обыкновенности, Владимирова приводит читателя к утверждению, что Ремизову удалось, изображая повседневность и обыденность, увидеть и обозначить «великую русскую трагедию». Это, утверждает автор статьи, «наша трагедия: это – наперекор блеску и шуму врывающейся к нам европейской культуры, наперекор завоеваниям науки и торжеству человеческого разума, остаться самим собой и сохранить свою национальную сущность» [П. С. (Владими́рова), 1912а, № 1194].

В данном контексте лучшим произведением Ремизова критик назвала «Крестовые сестры», где герои олицетворяют мистический страх смерти как ключевую национальную черту: «Русский человек боится смерти не как уничтожения. Он боится умереть не узнавшим, зачем он жил и страдал и куда пойдет в смерти своей» [Там же]. Назвав персонажей повести гордыми и смиренными индивидуалистами, способными познать правду жизни, «вещее знание» о ней, Владимирова, следуя авторской трактовке заглавия, данной в одном из первых писем, определяет это произведение как знаковое для читателя, раскрывающее тайну творчества и глубину взгляда Ремизова на мир и человека в нем: «В этой повести Ремизов достигает вершин творческой интуиции в выявлении ноумена русского человека и психологической правды о нем, а в языке такой сжатости и чистоты в смысле русской речи, такой певучести, такой мистически красивой образности, где уже пребывают одни символы скорби и печали, смирения и проникновения в “миры иные”, что перед вами встает во весь свой рост Святая Русь, призванная в страданиях своих открыть людям высший смысл жизни...» [Там же].

Несомненно, эта работа для Владимировой представлялась особенно важной, так как возможность личного общения с Ремизовым и его мнение являлись своеобразным «гарантом» ее слова, вселяли уверенность в правильном понимании художественного мира писателя и верно выбранном критическом ракурсе. Поэтому ответ Ремизова от 12 ноября 1912 г., в котором он писал, что статья понравилась, а также информировал о выходе восьмого тома Собрания сочинений в издательстве «Шиповник» и переходе в новое издательство «Сирин»²⁵ (РО ИРЛИ РАН. Р. III. Оп. 2. № 321–333. Л. 5), стал для Владимировой своеобразным стимулом к продолжению как эпистолярного диалога со своим корреспондентом, так и к дальнейшей творческой работе. В послании от 17 ноября она сообщала:

²⁵ Издательство «Сирин» организовано в первой декаде октября силами Ремизова и семьи известного мецената М. И. Терещенко. Его открытие состоялось в середине ноября 1912 г. Подробнее об участии Ремизова в этом предприятии см. его дневниковые записи и вступительную статью А. В. Лаврова: «Сирин». Сирин птица / Публ. и примеч. А. В. Лаврова // Алексей Ремизов: Исследования и материалы: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. М. Грачева, А. д'Амелия. СПб.; Салерно, 2003. С. 233–248; Лавров А. В. «Сирин» – дневниковая тетрадь А. Ремизова // Там же. С. 229–232.

Прочла Вашу «Пятую язву» и «Заложников жизни» <Ф. Сологуба>. Буду писать скоро о них ²⁶ (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 78. Л. 7 об.).

20 декабря на страницах «Кубанского курьера» вышла вторая пространная статья Владимировой о творчестве Ремизова, посвященная повести «Пятая язва», увидевшей свет в середине октября в Литературно-художественном альманахе издательства «Шиповник» (кн. 18, с. 109–201). В этот же день она была отправлена адресату с просьбой: «неприменно написать мне: понравилась ли она» (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 78. Л. 8).

Повесть была названа началом нового этапа, особой «эпохой в творчестве Ремизова». Критик отметила эволюцию художественного мира писателя, которая проявилась в новом подходе к изображению мира и человека – в простоте представления героев, глубоком погружении в психологию: «Ремизов вообще интересуется только судьбой своих героев, ее только и наблюдает он в людях, но только не всегда ему удавалось выявить это свое устремление с такой ясностью и с такой неизбежностью, как в этой повести». Характер, жизнь и судьба следователя Боброва стали предметом анализа Владимировой, которая отметила обретенный автором художественный такт, позволивший ему спокойно и ясно, без трагического надрыва, показать смерть героя: «И как рассказана смерть, как написана! Без внешних эффектов, без лишних слов, с тем величавым спокойствием, с каким совершается все трагическое в жизни. Едва ли нужно говорить о силе впечатления, – оно потрясающее. / Совершилось нечто великое, непоправимое, неизбежное, – какие же еще нужны слова? Совершившееся говорит само за себя, но требуется огромный художественный такт, чтобы не соблазниться “благодарной темой” и не наговорить лишних слов. Ремизов в большой мере обладает этим художественным тактом <...>» [П. С. (Владимирова), 1912б, № 1249].

Отклик Ремизова был отправлен 26 декабря и содержал не только отражение благоприятного впечатления, полученного от статьи, но и небольшое замечание:

Многоуважаемая Прасковья Ивановна! <sic!> / Получил статью Вашу, спасибо. Мне она понравилась. Только почему в перечислении на последнем столбце: Мать Боброва, Лизавета Ивановна – в «Крестовых сестрах», князь и т. д. Женю ²⁷ Вы пропустили – мать Маракулина (РО ИРЛИ РАН. Р. III. Оп. 2. № 321–333. Л. 10).

В обзоре, посвященном литературному процессу 1912 г., Владимировая назвала «Пятую язву» «крупным вкладом в нашу словесность, одним из самых лучших произведений Ремизова, раскрывшего нам в лице его автора большое трагическое дарование» [П. С. (Владимирова), 1913]. Примечательно, что в эмиграции, когда Ремизов будет осмыслять свой творческий путь, он напишет в книге воспоминаний «Петербургский буерак» о непонятой критиками идее произведения: «В одном из следующих альманахов “Шиповника” появилась моя повесть “Пятая язва”, Человек среди человекообразных <...> После “Крестовых сестер” эта повесть

²⁶ Один из первых откликов на произведения писателей появился в «Русских ведомостях» 31 октября 1912 г., его автор – редактор-издатель газеты И. Игнатов: «Литературные отголоски (Ф. Сологуб «Заложники жизни». – Алексей Ремизов «Пятая язва»). Также см. примечание 19 наст. статьи.

²⁷ В тексте произведения имя матери главного героя имеет официальную форму – Евгения Александровна.

ничего не прибавила к моему имени. Были казенные отклики...» [Ремизов, 2003, с. 200].

Конечно, для Ремизова работы Владимировой также представляли определенный интерес, прежде всего как выражение взглядов критика, беспристрастного в суждениях, далекого от столичной литературной среды и не зависящего от редакционной программы авторитетных изданий. Писатель был заинтересован во взгляде со стороны на свое творчество, поэтому поддерживал интенции корреспондентки к подобным выступлениям в повременной печати, оповещая об ожидаемых к выходу произведениях и регулярно отправляя в Екатеринодар уже опубликованные сочинения. Так, в последнем декабрьском письме он информировал собеседницу:

В феврале пришлю Вам мою новую книгу, туда войдут рассказы: Петушок, Пятая язва, Покровенная и т. д. / Изд. "Сирин"²⁸ (РО ИРЛИ РАН). Р. III. Оп. 2. № 321–333. Л. 10).

Владимирова, в свою очередь, стремилась обогатить опыт журналистской деятельности сотрудничеством с петербургскими изданиями, поэтому мнение столичных литераторов и возможное их содействие были для нее чрезвычайно важны. В эпистолярном диалоге с Ремизовым критик неоднократно высказывает желание установить профессиональный контакт с известными писателями, дорожит их вниманием и мнением о своей работе. В частности восхищается восторженным отзывом О. Форш, высказанным по поводу первой статьи о творчестве Ремизова, ее волнует мнение Ф. Сологуба, воздержавшегося от личной переписки, ценным представляется приглашение А. Рославлева к публикации в критическом альманахе и отмечается постоянная поддержка И. С. Соколова-Микитова.

Весной 1913 г. завершился екатеринодарский период журналистской деятельности Владимировой. В конце марта на страницах «Кубанского курьера» увидела свет ее последняя публикация, посвященная выходу Собрания сочинений Ф. К. Сологуба. Многолетнее сотрудничество с газетой было прекращено в связи с переездом семьи Владимировых в Петербург, где начался новый этап критико-публицистической работы Прасковьи Семеновны, укрепились творческие связи с Ремизовым и на долгие годы установились дружеские отношения с С. П. Ремизовой-Довгелло.

Список литературы

Надеждин Л. Ультра-«модное» писательство // Кубанский курьер. 1911. № 698, 28 янв. С. 3.

П. С. (Владимирова). Журнальное обозрение. («Русское богатство» и «Русская мысль» – октябрь) // Кубанский курьер. 1909. № 355, 27 нояб. С. 3.

П. С. (Владимирова). Журналомания // Кубанский курьер. 1911а. № 778, 8 мая. С. 2–3.

П. С. (Владимирова). Наши журналы // Кубанский курьер. 1911б. № 924, 9 нояб. С. 2–3.

П. С. (Владимирова). Алексей Ремизов // Кубанский курьер. 1912а. № 1193, 12 окт. С. 3; № 1194, 13 окт. С. 3.

²⁸ Речь идет о книге «Подорожие: Рассказы» (СПб.: Сирин, 1913).

П. С. (Владимирова). Литературные заметки. («Пятая язва». Повесть Алексея Ремизова. 18-я кн. альманахов «Шиповника») // Кубанский курьер. 1912б. № 1249, 20 дек. С. 3.

П. С. (Владимирова). 1912 год // Кубанский курьер. 1913. № 1256, 1 янв. С. 4.

Ремизов А.М. Собрание сочинений / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); подгот. текста, ст., указ., коммент. А. М. Грачевой, О. А. Линдеберг. М.: Рус. книга, 2003. Т. 10: Петербургский буерак. 592 с.

Этурнель. А. Ремизов. «Часы». Изд. «Eos», СПб., 1908 г. // Кубанский курьер. 1908. № 19, 1 окт. С. 4.

Список источников

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 634. Оп. 1. № 78. Владимирова-Воробьева П. С. Письма А. М. Ремизову. 2 марта – 20 дек. 1912; Ф. 634. Ед. хр. 48. Л. 12 – 12 об. Архипов (Бенштейн) Н. А. Письма А. М. Ремизову. 16 ноября 1908 – 15 ноября 1911.

Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И. Ф. Даниловой, А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 4. С. 92–133.

Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908–1944 гг.) / Публ. Е. Р. Обатиной, В. Г. Белоуса, Ж. Шерона; вступ. заметка и коммент. Е. Р. Обатиной, В. Г. Белоуса // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1998. Вып. 2. С. 19–122.

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ РАН). Р. III. Оп. 2. № 321–333. Ремизов А. М. Письма Воробьевой Праксодии Семеновне 19 января 1912 – 27 декабря 1919.

References

Eturnel'. A. Remizov. "Chasy." St. Petersburg, Izd. "Eos," 1908 g. [A. Remizov. "Watch." St. Petersburg, "Eos" Publ., 1908]. *Kubanskiy kur'er*. 1908, 1 October, no. 19, p. 4.

Nadezhdin L. Ul'tra-"modnoe" pisatel'stvo [Ultrafashionable writing]. *Kubanskiy kur'er*. 1911, 28 January, no. 698, p. 3.

P. S. (Vladimirova). 1912 god. *Kubanskiy kur'er*. 1913, 1 January, no. 1256, p. 4.

P. S. (Vladimirova). Aleksey Remizov. *Kubanskiy kur'er*. 1912, 12 October, no. 1193, p. 3; 13 October, no. 1194, p. 3.

P. S. (Vladimirova). Literaturnye zametki. ("Pyataya yazva." Povest' Alekseya Remizova. 18-ya kn. al'manakhov "Shipovnika") [Literary notes. ("The Fifth Ulcer." The story of Alexei Remizov. 18th book of the almanacs "Rosehip")]. *Kubanskiy kur'er*. 1912, 20 December, no. 1249, p. 3.

P. S. (Vladimirova). Zhurnal'noe obozrenie. ("Russkoe bogatstvo" i "Russkaya mysl'" – oktyabr') [Journal review. ("Russian Wealth" and "Russian Thought" – October)]. *Kubanskiy kur'er*. 1909, 27 November, no. 355, p. 3.

P. S. (Vladimirova). Zhurnalomaniya [Magazine obsession]. *Kubanskiy kur'er*. 1911, 8 May, no. 778, pp. 2–3.

P. S. (Vladimirova). Nashi zhurnaly [Our magazines]. *Kubanskiy kur'er*. 1911, 9 November, no. 924, pp. 2–3.

Remizov A. M. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. A. M. Gracheva, O. A. Lindeberg (Prep. of texts and comm.). Moscow, Rus. kniga, 2003, vol. 10: Peterburgskiy buerak, 592 p.

List of sources

Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian National Library]. Fund 634, Inventory 1, Item number 78. Vladimirova-Vorob'eva P. S. Pis'ma A. M. Remizovu [Vladimirova-Vorobeva P. S. Letters to A. M. Remizov]. March 2 – Dec. 20, 1912.

Perepiska L. I. Shestova s A. M. Remizovym [Correspondence L. I. Shestov with A. M. Remizov]. Danilova I.F., Danilevsky A.A. (Publ., pref., comments). *Russkaya Literatura*. 1992, no. 4, pp. 92–133.

Pis'ma R. V. Ivanova-Razumnika k A. M. Remizovu: (1908–1944 gg.) [Letters to R. V. Ivanov-Razumnik to A. M. Remizov: (1908–1944)]. Obatnina E. R., Belous V. G., Sheron Zh. (Publ.); Obatnina E. R., Belous V. G. (Pref., comments). In: *Ivanov-Razumnik: Lichnost'. Tvorchestvo. Rol' v kul'ture* [Ivanov-Razumnik: Personality. Oeuvre. Role in culture]. St. Petersburg, 1998, no. 2, pp. 19–122.

Rukopisnyy otdel Instituta russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) RAN [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS]. P. III, Inventory 2, Item number 321–333. Remizov A. M. Pis'ma Vorob'evoy Praskovii Semenovne [Remizov A. M. Letters to Praskovia Semyonovna Vorobieva]. January 19, 1912 – December 27, 1919.

Информация об авторе

Екатерина Евгеньевна Вахненко, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии, иностранных языков и массовых коммуникации Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Information about the author

Ekaterina E. Vakhnenko, Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Russian and Foreign Literature of the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication of the Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 28.09.2022;
одобрена после рецензирования 17.11.2022; принята к публикации 17.11.2022
The article was submitted on 28.09.2022;
approved after reviewing on 17.11.2022; accepted for publication on 17.11.2022*